

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТА СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ

Е. Н. Волков

The paper deals with a topical question in the West Siberian archaeology, i.e. a periodic division of the Neolithic in the Middle Trans-Urals. The author considers the existing conceptions on origins and evolution of the neolithic cultures within the said region proposing promising ways to solve most controversial aspects of the problem. He points to an important role of migrations both in forming early neolithic complexes and in making cultural traditions of the Late Neolithic time.

Одной из наиболее спорных проблем, стоящих перед исследователями древних культур Среднего Зауралья, является периодизация неолита этого региона. Первую схему развития неолитических древностей Зауралья предложил В. Н. Чернецов [Ковалева, 1989, с. 11], затем она была дополнена О. Н. Бадером [1970, с. 158–159] и развита В. Т. Ковалевой [1989, с. 5].

Согласно концепции В. Т. Ковалевой, на основе наиболее древних памятников — козловского и кошкинского типов формируются полуденская и боборыкинская традиции. Автор считает, что развитие местного — козловско-полуденского и пришлого — кошкинского-боборыкинского комплексов шло параллельно [Там же, с. 5]. Памятники сосновоостровского типа рассматриваются как результат эволюции полуденских древностей, в рамках полуденской культуры [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 54].

Альтернативная гипотеза высказана В. А. Захом. Наиболее ранними на территории Зауралья, по мнению исследователя, являются местная сосновоостровская традиция и пришлая из южных районов — боборыкинская. Аналогии памятникам боборыкинского типа автор видит в комплексах с территории от Северного и Восточного Прикаспия до Приаралья [Зах, 1995, с. 24; Зах, Матвеева, 1997, с. 6–7]. В результате взаимодействия местной и пришлой культур складываются кошкинские, а в конечном итоге — прочерченно-гребенчатые полуденские комплексы [Зах, Матвеева, 1997, с. 7].

Исходя из данных концепций не всегда можно объяснить факты, свидетельства, нюансы, накопившиеся в результате многолетнего изучения неолитических древностей Среднего Зауралья.

Выделение в рамках раннего неолита двух культур не решает многих вопросов. До настоящего момента нет стратиграфических свидетельств, указывающих на синхронное бытование козловских и кошкинских объектов. Культурогенетическая модель, предложенная В. Т. Ковалевой, опирается на предположение о том, что козловские комплексы древнее кошкинских [Ковалева, 1989, с. 37].

Наблюдения, сделанные на ряде памятников, однозначно указывают на более раннее функционирование козловских объектов по сравнению с боборыкинскими [Там же, 1989, с. 18]. Обратных фактов не зафиксировано. В то же время стратиграфические данные позволяют считать синхронными кошкинскую, боборыкинскую и сосновоостровскую традиции. Совместное залегание кошкинской и сосновоостровской керамики отмечено на поселении ЮАО 5 [Алексашенко, Викторова, 1991] и Охотино [Асташкин, Асташкина, Дрябина, 1995, с. 37], кошкинской и боборыкинской — на Кокшаровско-Юрьинской стоянке [Ковалева, 1989, с. 53], сосновоостровских и боборыкинских культурных остатков — на ряде зауральских памятников [Зах, Матвеева, 1997].

Концепция, объясняющая сложную этнокультурную ситуацию результатом взаимодействия боборыкинских и сосновоостровских племен, также не бесспорна. Сегодня нет серьезных оснований датировать козловские поселенческие объекты постбоборыкинским или сосновоостровским временем. Накопленные факты рисуют обратную картину. Стратиграфические свидетельства и немногочисленные радиоуглеродные даты отражают большую древность козловской культурной традиции.

В последнее время боборыкинская проблематика переросла рамки Зауралья. Комплексы, близкие боборыкинским, открыты и исследованы в Прикамье [Ковалева, 1989, с. 62], в марийском Поволжье и Икско-Бельском междуречье [Никитин, 1996, с. 76–103], в Сурско-Мокшанском междуречье [Третьяков, Выборнов, 1988, с. 10–23] и т. д. К этому кругу следует отнести и боборыкинские памятники При-ишимья и Прииртышья [Матвеев, Зах, Ларин и др., 1994, с. 59; Панфилов, Зах Е. М., Зах В. А., 1991, с. 31, 33]. Таким образом, реальность существования пласта родственных культур, локализованных в широтном направлении в лесостепной и подтаежной зонах, можно считать доказанной. Большинство исследователей трактуют появление подобных памятников как результат прямой миграции населения с более южных территорий [Ковалева, 1989, с. 55–56; Зах, 1995, с. 24; Никитин, 1996, с. 112]. Культуры пришельцев развивались на сходном историко-культурном фоне. Их соседями являлись племена, декорировавшие посуду в гребенчатом или гребенчато-ямочном стиле. Если следовать гипотезе, предложенной В. А. Захом, логично предположить, что контакты местного населения и мигрантов в конечном итоге должны были привести к сложению культурных традиций, тождественных или близких козловско-полуденской, на большей части территории распространения мигрантных орнаментальных традиций. Однако подобных культур за пределами Зауралья и Урала нет.

Сложность реконструкции этнокультурных процессов на территории Среднего Зауралья усугубляется отсутствием здесь местной гребенчатой или гребенчато-ямочной орнаментальной традиции. Появление гребенчатой сосновоостровской культуры, по-видимому, совпадает с началом проникновения в Зауралье мигрирующих боборыкинских групп. Невозможность эволюции собственно полуденских памятников в сосновоостровские (позднеполуденские, по В. Т. Ковалевой) убедительно показана в одной из последних работ [Асташкин, 1993, с. 57–59]. Остается добавить, что концепция В. Т. Ковалевой, объединяющая памятники позднего этапа полуденской (сосновоостровской) культуры и поселения хуторского типа в Прикамье в рамках единой полуденской общности [Ковалева, 1989, с. 47], упускает одно существенное обстоятельство. Появление на противоположных склонах Урала двух во многом тождественных культур предполагает их общие генетические корни и однонаправленность культурогенетических процессов. Иными словами, следует предполагать существование в Прикамском регионе культуры с волнисто-гребенчатым стереотипом декорирования, эволюционировавшей в памятники хуторского типа. Однако подобной традиции в бассейне р. Камы пока не известно.

Убедительно выглядит попытка осмыслить появление сосновоостровских групп в Зауральском регионе как результат миграции с территории Южного Урала и прилегающих к нему районов [Дрябина, 1993, с. 171; Асташкин, Асташкина, Дрябина, 1995, с. 37]. Сходство материальных остатков сосновоостровской культуры с южноуральскими и приуральскими комплексами, возможность участия этого населения в культурогенетических процессах, происходивших в Среднем Зауралье, нашли отражение в печати [Ковалева, 1989, с. 47].

Не претендуя на окончательное решение проблемы, хотелось бы обозначить перспективные направления для дальнейших исследований.

Сходство декоративных композиций и орнаментального стандарта козловской (евстюнихинской) культуры и кельтеминарской традиции отмечалось исследователями. В. Н. Чернецов пытался осмыслить становление ранне-неолитической культуры Зауралья под влиянием кельтеминарского импульса, включая территории распространения козловских и кельтеминарских традиций в одну культурно-историческую общность [Там же, с. 11]. Принимая идею о привнесении керамики в лесостепную и лесную среду южными группами населения (см. например: [Ковалева, 1989, с. 62]), перспективным для дальнейших исследований считаем подход, основанный на возможности восприятия населением Среднего Зауралья керамической идеи в сложившемся южном варианте. Вероятно, дальнейшие научные изыскания приведут к необходимости рассмотрения козловских древностей как двусоставного культурного образования, первый компонент которого генетически связан с местным мезолитическим комплексом, а второй — с кельтеминарским суперстратом. Логично предположить, что кельтеминарское население, проникшее в Зауралье, принесло с собой принципиально новую для местных племен, развитие которых находилось на стадии мезолита (или бескерамического неолита), идею изготовления керамики, воспринятую последними в “готовом” виде. Тем самым еще не вполне сложившийся местный орнаментальный стереотип, предположительно гребенчатый, близкий сосновоостровскому и хуторскому, был подавлен. Вместе с тем традиция обработки камня, развивавшаяся на протяжении столетий, приспособленная к определенной сырьевой базе, местным условиям, хозяйственному типу, существенных изменений не претерпела. Таким образом, тезис о преемственности среднезауральского мезолита и ранне-неолитической культуры применительно к традиции обработки камня можно считать верным [Ковалева, 1989, с. 25].

Второй момент, разработка которого обещает интересные результаты, связан с появлением на территории Среднего Зауралья сосновоостровских племен. Скорее всего, отправной точкой исследования послужит рассмотрение возможности миграции носителей гребенчатого орнаментального стереотипа из нескольких территориальных центров, в основном, видимо, из Прикамья и с Южного Урала. Вероятно, проникновение сосновоостровцев шло параллельно с миграцией боборыкинских племен. Культурно-этническая ситуация в регионе к этому времени должна была стандартизироваться и отражать сходные процессы и явления, происходившие на сопредельных территориях. Для этого времени в Среднем Зауралье можно выделить набор стандартных орнаментальных традиций, распространенных на большей части ареала лесостепных прочерченно-отступающих культур: гребенчатую — сосновоостровскую, отступающе-прочерченную — кошкинскую и прочерченно-отступающую — боборыкинскую.

Дальнейшие изыскания, направленные на решение вопроса о происхождении боборыкинской традиции, следует акцентировать на продолжении разработки гипотезы об ее южной прародине [Зах, Матвеева, 1997, с. 7]. Представляется, что генетические корни этой культуры перспективно искать на территории Северного Казахстана, где выявлены боборыкинские комплексы, возраст которых предварительно определяется первой половиной IV тыс. до н. э. — временем, предшествующим сложению традиции в Зауралье [Ковалева, 1989, с. 56]. Принцип формирования прочерченно-отступающих культур, локализованных на сопредельных территориях, по-видимому, был аналогичным. Генезис накольчатых традиций Прикамья и Поволжья логично связать с носителями южных орнаментальных традиций [Никитин, 1996, с. 76–103], культурами Северного Прикаспия.

Несомненно, что по мере накопления и осмысления фактического материала, маркирующего этапы развития неолитических культур лесостепного Зауралья, существующие периодизации будут пересматриваться. Вероятно, членение неолита на две фазы — раннюю и позднюю — сохранится. К первой будут отнесены памятники козловской культуры, вторая включит кошкинские, боборыкинские, сосновоостровские и сложившиеся на основе козловских полуденские комплексы.

Проблема, связанная с определением абсолютного возраста неолитических культур Зауралья, еще долгое время не утратит актуальности. Некоторые основания для удреждения возраста боборыкинской культуры существуют [Зах, 1995, с. 12–28], но подобные попытки должны опираться на комплексный анализ, с привлечением материалов сопредельных территорий. Пока же радиоуглеродные даты, полученные для накольчатых комплексов Поволжского региона, не выходят за рамки первой половины IV тыс. до н. э. [Никитин, 1996, с. 76–103], неплохо согласуясь с боборыкинскими. Несколько занижить возраст боборыкинской культуры можно лишь по аналогии с кошкинскими комплексами, допуская возможность их синхронизации.

Наиважнейшим вопросом, стоящим перед исследователями неолита Среднего Зауралья, является соотношение кошкинских и боборыкинских древностей. Мы не исключаем возможности фактического подтверждения любой из существующих точек зрения на эту проблему [Ковалева, 1989, с. 56; Зах, Матвеева, 1997, с. 7], а также иных объяснений. В любом случае окончательно проблема будет снята только при пополнении фонда археологических источников.

ЛИТЕРАТУРА

Алексащенко Н. А., Викторова В. Д. Неолитические жилища ЮАО-5 // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 45–70.

Асташкин В. И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Спб.: ИИМК РАН, 1993. С. 57–59.

Асташкин В. И., Асташкина О. В., Дрябина Л. А. Энеолитические комплексы поселения Велижаны-1 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Тюм. ун-т, 1995. С. 29–38.

Бадер О. Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157–171.

Дрябина Л. А. Развитие и взаимодействие культурных традиций в эпоху энеолита в Зауралье // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Спб., 1993. С. 171–172.

Зах В. А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор-3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Тюм. ун-т, 1995. С. 12–28.

Зах В. А., Матвеева Н. П. Поселение “8-й пункт” на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 3–8.

Ковалева В. Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: Урал. ун-т, 1989. 80 с.

Ковалева В. Т., Чаиркина Н. М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1991. Вып. 20. С. 45–70.

Матвеев А. В., Зах В. А., Ларин С. И. и др. Археолого-палеогеографическое изучение комплекса доисторических памятников на оз. Мургень // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Омск, Омск. ун-т, 1994. С. 59–63.

Никитин В. В. Каменный век Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. 179 с.

Панфилов А. Н., Зах Е. М., Зах В. А. Боровлянка-2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Тюм. ун-т, 1991. С. 25–50.

Третьяков В. П., Выборнов А. А. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Куйбышев: Куйбышев. пед. ин-т., 1988. 88 с.

Тюмень, Институт проблем освоения
Севера СО РАН